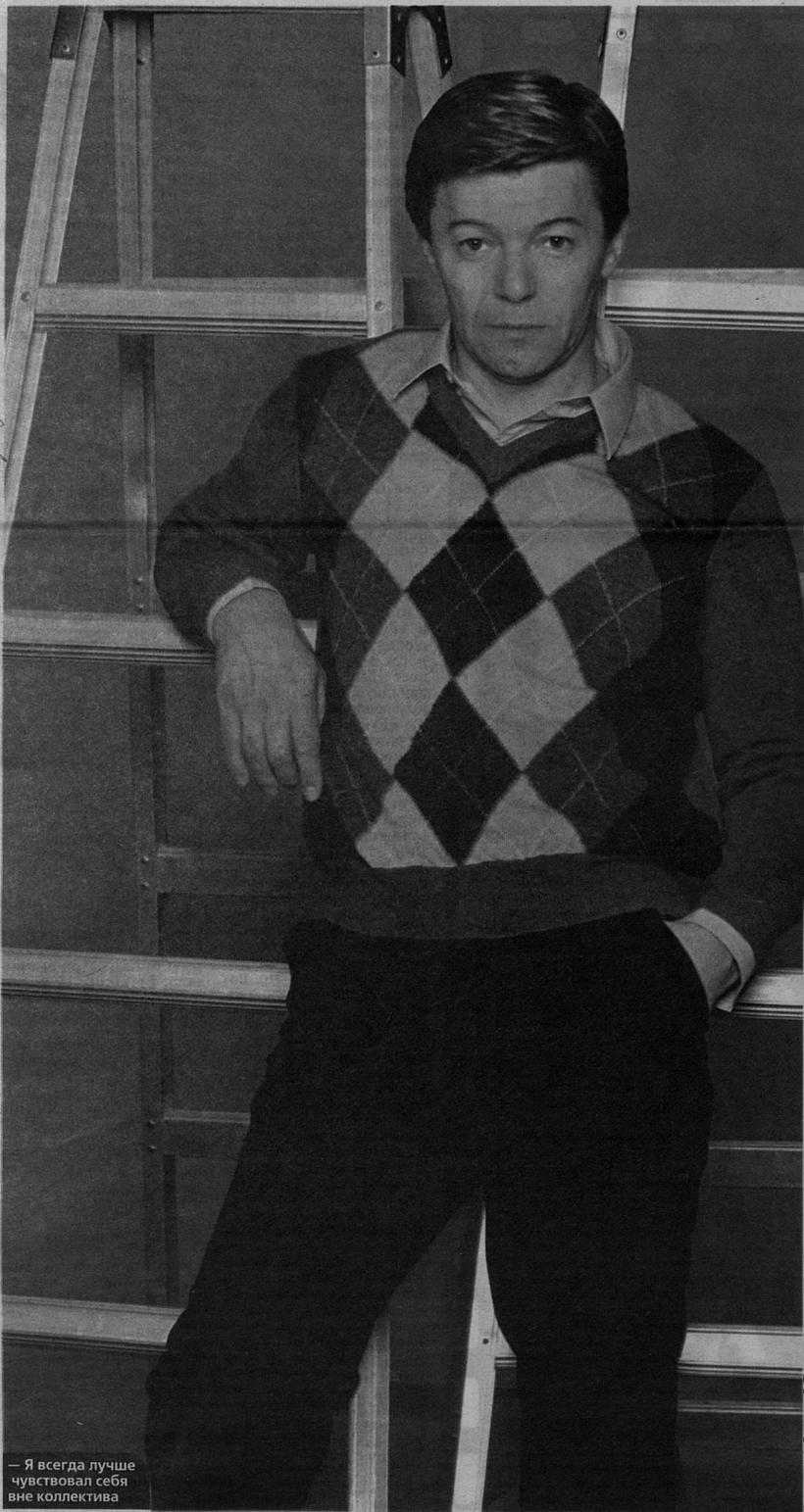


Не верится, что ему за шестьдесят. Народный артист Збруев активно снимается в кино и играет в театре. Владеет рестораном «ТРАМ» и скоро откроет второй. Поклонницы просят у него автограф и провожают до дома. В конце концов, Александр Викторович просто замечательно выглядит. Но при этом утверждает, что актер не может быть счастливым и все хорошо никогда не будет. Может, лукавит?

александр збруев: как любовью артист, я честолюбив



Отца расстреляли, мать сослали

— Александр Викторович, в последнее время все больше известных людей заявляют о том, что не имеют друзей. Чаще возникают разговоры не о преданности, а о предательстве. Почти невозможно уже представить ситуацию, чтобы кто-то приехал к тебе ночью, потому что с тобой случилась беда. Нынче, по-моему, каждый в своей скорлупе...

— Когда-то всех своих товарищей в арбатском дворе я легко называл друзьями, потому что знал: на них можно надеяться, они не предадут, это — моя защита. Теперь у меня есть добрые приятели, коллеги, с которыми сложились хорошие отношения. Но — не друзья. Актерская профессия ведь особенная. Здесь постоянно возникает вопрос: «Почему он, а не я?» Здесь нормой становятся такие человеческие качества, как самолюбие, ревность, честолюбие, тщеславие, даже зависть. Обладая ими, сложно приобрести друзей. Мне, к слову, непонятны разговоры о белой и черной зависти. Ерунда все это. Зависть, она и есть зависть. Хотя, может, дело и не в профессии. Вы правы: сегодня каждый надеется только на себя. Мы перестали доверять окружающим. Потом, нас всех (в частности, мое поколение) так часто предавали, что я уже и не рассчитываю встретить человека, который мог бы быть моим другом. К тому же с возрастом становишься более требовательным к тем, с кем общаешься. Ждешь защиты, помощи, а часто получаешь... равнодушие. Мне кажется, сегодня люди уже не ищут себе друзей.

— Может, нам просто свойственно кидаться в крайности? В школе учили: на первом месте должны быть общественные интересы, а не личные. Теперь все наоборот — люди поняли, что нужно жить для своей семьи.

— Ну, на меня-то это не распространялось, я ведь не был ни пионером, ни комсомольцем. И всегда лучше чувствовал себя вне коллектива. Объединить с кем-то из ребят меня мог спорт, футбольное поле, девочки, за которыми мы вместе ухаживали.

— Я понимаю, почему вас приняли из пионеров, понимаю, почему не были комсомольцем. Но почему стали невзлюбленным? Ведь уже было другое время.

— Да, времена были уже другие, но цензура-то осталась. Свободы слова еще не было. Ты с кем-то откровенничал, высказывал свое мнение, а те, от кого зависела твоя карьера, не хотели этого терпеть. Я ведь очень сдержанно отношусь к своей родине. Наверное, это чувствовалось.

— Вам не прощали ваших отказов вступить в КПСС?

— Конечно. А когда мне в очередной раз предлагали вступить «в ряды», я прямо говорил: «Вам что, напомнить, как расстреляли моего отца? Или как сослали в Рыбинск мать со мной, грудным ребенком, на руках?.. И вы думаете, после этого я буду бороться за интересы коммунистической партии?»

— Два других факта вашей биографии — отказ сотрудничать с КГБ и 7 лет безработицы в Ленкоме — связаны по времени?

— Не помню. Но надеюсь, между ними не было ничего общего. Не хочется говорить банальности о зависимости профессии, однако от того, видит ли тебя главный режиссер в очередном спектакле, доверяет ли он тебе, хорошо ли к тебе относятся, зависит твоя судьба в этом театре. К слову, когда мне долго не давали новых ролей, в Ленкоме приходили письма от поклонников, которые спрашивали: «Почему не играете? Может, надо написать нашему главному?» Смешно... Хотя многие талантливые люди погибли из-за того, что не играли или играли совсем не то, что соответствовало их таланту. Но много и актеров средних способностей, которые случайно забираются на самую вершину.

— Случай вообще-то много значит в вашей профессии?

— Значит. Если ты находишься в нужном месте в нужное время. И если ты к этому случаю готов. Не верьте рассказам о том, что актера остановили на улице и предложили главную роль в Голливуде. Так не бывает.

— Почему вы не ушли от Захарова, который 7 лет не видел вас в своих спектаклях? Почему не попытались поискать счастья на стороне?

— Нет, ну, у меня был старый репертуар. Я снимался... Может, отчасти из-за кино почти ничего не сыграл в театре. Абсурд! Работаю в театре 40 лет, а роли можно пересчитать на пальцах. Были спектакли «Мой бедный Марат» Эфроса, «До свидания, мальчики» по Балтеру. Но сто лет назад. Разве что старшее поколение помнит. Из последних ролей самая значительная — Клавдий в «Гамлете». Остальное — вторые и третьи роли.

— Я вообще убежден, что актер не бывает счастливым. Он может быть удовлетворен своей работой. Не больше. Я не фанат, у меня нет такого: дайте мне это сыграть, дайте то. Но как любой артист, тщеславен и честолюбив. Поэтому, когда узнаю, что меня нет в хорошей пьесе, в которой хотел бы сыграть, огорчаюсь. Проходит время, и вдруг ловлю себя на мысли: а ведь хорошо, что я не занят в этом спектакле, есть свободное время, возможность сниматься. Хотя... Без ложной скромности скажу: и в театре, и в кино мог бы сделать значительно больше.

Когда не дали «Никку», заплакал

— Вы как-то заявили, что кинематографа сегодня нет. Тем не менее продолжаете активно сниматься. Наступаете на горло собственной песне?

— Нет того старого, настоящего кинематографа с хорошей экономической основой, когда ему помогало государство, он приносил колоссальные доходы стране, был прокат. Сегодняшние съемки 20 серий за 3 копейки нельзя назвать искусством. Это чистый бизнес. Что сейчас показывает телевидение? Не «Вести», а криминальные вестки, «Новости», а криминальные новости. То же самое с фильмами: на всех каналах одни и те же лица, интерьеры, машины, события. А если не те же, то очень похожие. Настоящее полнометражное кино сегодня делают несколько человек, в частности Сергей Соловьев, у которого я

недавно снялся в картине «О любви». Ощущение было — как будто вернулся в наш старый кинематограф. На павильонах, следовали художником Ивановым, приходили любоваться все режиссеры «Мосфильма». Павильоны такого качества, вкуса, эстетического восприятия строили Тарковский, Бондарчук... Сейчас подобное — редкость. В основном господствуют подделки. Я с пониманием отношусь к «Каменской», «Ментам». Но смотреть это не могу. Недавно Вита Раков попросил: «Александр Викторович, выходи новый фильм «Закон». Посмотрите, пожалуйста, хочется знать ваше мнение». Спрашиваю: «А что за картина?» — «20 серий». Конечно, я посмотрю немного, чтобы понять, как работает мой товарищ. Но сам фильм меня не интересует.

— Что вы скажете Вите Ракову, если картина не понравится?

— Да он сам все понимает и с трудом на такие вещи соглашается. Жить-то как-то надо. Ужасно, если актера не узнают на улице, если зритель приходит в театр и спрашивает, глядя на сцену: «Кто это?» В этот момент артист теряет что-то очень важное.

— Во время нашей беседы здесь, на летней веранде «ТРАМа», я сама убедилась в том, что прохожие узнают вас, здороваются. На вас ходит зритель... Словом, мне кажется, вы лукавите, когда говорите, что если бы начали жизнь



С актрисой «Ленкома» Еленой Шаниной и ее дочерью

В России хорошие актеры в возрасте брошенные люди. Разве что режиссер увидит кого-то в телепередаче: «Ой, смотри, жив курилка! Да и выглядит хорошо, а ну-ка, вызовите его...» Грустно.

сначала, то ни за что не стали бы актером.

— Не стал бы. А что хорошего дала мне профессия? Узнаваемость? Это тщеславие.

— Неужели даже роль Гапши не принесла дивидендов?

— Принесла. Были еще «Мой младший брат» по Аксенову, «Два билета на дневной сеанс», «Одинокая женщина желает познакомиться». «Ты у меня одна», «Бедная Саша». Вроде и фильмы популярные, и зрителя зацепили. Но снимался-то я значительно больше. А среди картин нет такой, с которой бы ассоциировалось мое имя. У Самойловой есть «Летят журавли», у Кузнецова — «Сухов». А попросите вон девушку назвать мои фильмы. Да, бог, один-два вспомнит. Ну, и взлетел я высоко!..

— Хотя где сейчас Самойлова и Кузнецов и где — вы? Они сидят без работы, а вас не уволят на интервью — так заняты.

— Тут вы правы. Удивительно, как все изменилось в нашем мире! Раньше была группа артистов — Крючков, Алейников, Борисов, Андреев, которые не могли не сниматься. Сегодня средний режиссер, боясь пригласить высококлассного актера, просит ассистента: «Найдите кого-нибудь, похожего на...» Может, я ошибаюсь, но у меня остается некое впечатление. Иначе почему не снимается Олег Стриже-

нов? Да, он изменился, у него теперь другое лицо, другая фактура. Но этого актера поцеловал Бог. Он сделал такое в кино, что должен сниматься и сниматься. А почему нет на экране Самойловой?! У нас забывают талантливых людей. Нет настоящих агентств. Казалось бы, зачем Де Ниро или Дастину Хофману агенты? Их и так все знают и приглашают. Однако именно агентство о них забывается, оно продолжает подписывать им работу. В России хорошие актеры в возрасте — брошенные люди. Разве что режиссер увидит кого-то в телепередаче: «Ой, смотри, жив курилка! Да и выглядит хорошо, а ну-ка, вызовите его...» Грустно.

— Это правда, что, когда вам не дали «Никку» за фильм «Ты у меня одна»...

— ...я заплакал, да. Мне было чудовищно обидно... Нет, нет, не возражайте, это была моя «Ника»! Точно! Другие номинанты были явно слабее... К сожалению, иногда премии присуждаются необъективно. Потому, правда, я получил свое на «Кинотавре» — приз за лучшую главную роль и в этой картине, и в «Бедной Саше». Для меня эти премии ничего, в сущности, не решают, зарплата в театре не прибавят. Но, во-первых, обидно, что хорошо сделанная твоя работа остается незамеченной. А во-вторых, есть общественное мнение.

— Вот уж не поверю, что оно имеет для вас значение.

— Как создается это мнение, известно вам, мне. Людьми, которые приходят в театр, это неведомо. Поэтому, если в программе перед фамилией стоит словосочетание «народный артист», зритель подсознательно начинает смотреть на тебя другими глазами.

— Вам-то грех жаловаться. Зрители ведь любят артиста Збруева.

— Да нет этого! Тщеславие все! Прошел мужчина, поздоровался со мной. Приятно? Да. Не более. К сожалению, актерская специализация очень узкая. Мы все находимся словно в танке. Вроде бы ты должен быть образованным человеком, понимать музыку, живопись, литературу, хотя бы раз в три месяца бывать в консерватории, в музее. А выясняется, сегодня это совсем необязательно. Теперь главное — быть в нужное время в нужном месте.

— И умным актеру быть необязательно?

— О чем вы говорите?! Ум, может быть, даже мешает. Ведь думающий актер на сцене и в жизни — это два абсолютно разных человека. Многие очень известные люди не были умными, но при этом были суперталантливыми актерами.

— Сейчас у вас в Ленкоме осталось всего 3 спектакля?

— Не 3 спектакля, а 3 названия. «Мудрец», «Варвар и еретики» и «Шут Балакирев». Ну и что?

В ресторан свои деньги не вкладывал

— Может, ну их — театр, кино, все равно уже не приносит того удовлетворения, что раньше? Ресторан ведь прокормит, а?

— Ресторан — тоже борьба, рынок. Там все настолько непредсказуемо...

— Не уверены в своих силах?

— А кто в бизнесе может быть уверен? Да я и не бизнесмен, а всего лишь компаньон людей, открывших «ТРАМ». Помните, были рестораны «Планета Голливуд»? Вы думаете, Шварценеггер или Ван Дамм вкладывали в них свои средства? Ничего подобного! И я не вкладывал. Но как же осуждали меня товарищи, когда 6 лет назад создавался наш ресторан! Какие обидные слова говорили! Тогда открытые подобным заведениям актерами было в нашей стране в диковинку. А сегодня многие хотели бы быть на моем месте.

— Вы-то на своем месте еще один ресторан затеяете — в бывшем Домжуре.

— Просто опять оказался в нужное время в нужном месте с теми же людьми. А что пишут журналисты? Что Збруев вложил куда-то 600 тысяч долларов, хочет всех обмануть и заработать на этом состоянии. Ужас!

— Отказ Янковского и Абдулова составить вам компанию в «ТРАМЕ» повлиял на ваши отношения?

— Сначала да. Мы по-прежнему улыбались друг другу, но внутреннее состояние сильно отличалось от внешнего. Актеры ведь прекрасно чувствуют это.

— Как же можно играть на сцене вместе с человеком, с которым у тебя плохие отношения, которого не любишь, может, даже ненавидишь?

— Мы же играем роли. На сцене мы не просто Збруев и Янковский, а герои, придуманные драматургом. Что же, я во время спектакля буду думать о том, что

у меня с Олегом испортились отношения? Просто было обидно, когда коллеги подкалывали и задавали дурацкие вопросы типа: «Саш, а как у тебя в ресторане делают котлеты?» Да не знаю я, как их делают! Потому что сам готовить не умею и терпеть не могу возиться на кухне.

— Вы многие годы делите с Янковским одну гримерку. То, что он отказался участвовать в «ТРАМе», наверное, суший пустяк. Но как вы могли отказаться в его пользу от Гамлета? Сами ведь говорили — ваши театральные роли можно считать на пальцах.

— Верно. И даже если бы плохо сыграл Гамлета, этот факт остался бы в истории Ленкома. Все-таки мировой репертуар. Но... Я сыграл Клавдия. И, к слову, на спектакль были всякие рецензии, а роль роли критики оценили хорошо.

— Панфилов предложил Гамлета мне и попросил, чтобы я поговорил с Янковским по поводу Клавдия. Но я же знал, что ни на что, кроме Гамлета, Олег не согласится... Это был мой личный интерес — я хотел, чтобы этот режиссер поставил этот спектакль в этом театре. В моем театре, где работаю 40 лет. В Ленкоме ведь почти не осталось людей, которые пришли раньше меня. Может, один-два человека.

— Не понимаю. Ну, не сыграл бы Янковский ничего в этом спектакле, подумаете, трагедия! А вы бы остались в истории Ленкома Гамлетом. Все-таки Панфилов видел вас в этой роли!

— Как случилось, так и случилось. Есть еще много ролей, которые я не сыграл и уже никогда не сыграю.

— А почему отказались от «Тихих омутов» Рязанова? Роль была не главная или сценарий не понравился?

— Роль-то как раз была главная. Но черт его знает... Мне даже неприлично говорить, что отказался сниматься у Рязанова. Ну, кто я такой? А он — один из немногих оставшихся у нас классиков, которому я, была б моя воля, каждый год давал бы возможность снимать столько, сколько хочет. Такие талантливые люди должны постоянно работать.

— Почему-то после съемок в «Бедной Саше» сценарий «Омутов» мне не приглянулся. Казалось, роль абсолютно не моя.

— Вы режиссеру сказали об этом?

— Да. Мне даже удалось убедить его, что главный герой — это не я. Он, конечно, пытался настоять, что именно я и могу сыграть, но я остался при своем мнении и предложил попробовать Андруона Кончаловского или Сашу Абдулова. В результате Саша и сыграл.

— Говорят, если вам не нравятся сценарий, вы даже скрываетесь от режиссера, чтобы не сообразить, но и не обидеть?

— А вы считаете, я должен прийти к нему и заявить, как это чудовищно? Это все равно что сказать женщине: «Вы такая некрасивая!» Ее можно не просто обидеть, но и убить. Я хочу оставаться деликатным человеком. Даже если мне что-то не нравится, своего мнения никогда стараюсь не навязывать.

— При этом многие считают вас очень прямым, даже жестким человеком. Я тут прочтала, как вы однажды читали мораль поклонникам...

— Как я выстроил девушек в шеренгу и попросил администратора не подпускать их к театру на пушечный выстрел? Чужь собачья! История была неправильно интерпретирована кем-то из журналистов. Максимум, что мог себе позволить — сказать поклоннице, которая нагло вела себя: «Я вас очень прошу, не появляйтесь здесь больше!»

— Когда-то ведь они вас после каждого спектакля до дома провожали...

— Почему когда-то? И сейчас провожают.

■ Беседовала Татьяна Петрова.

Збруев Александр

18.09.2002

— Я всегда лучше чувствовал себя вне коллектива

фотограф Валерий Плотников